

**Костогрызов Михаил Андреевич, 1928 г.р., родился в Крыму.
Интервью записано 9.08.2006 в с. Октябрьское Первомайского района АРКрым.**

С: ... этого респондента мы, в селе Октябрьское Красногвардейского района, проводили ученик 11 класса гимназии восточных языков номер 1 города Киева, Мороз Сергей, и студент Днепропетровского национального университета, исторического факультета, 4-го курса, Венгер Альберт.

С: Полностью Ваше имя-отчество?

И: Костогрызов Максим Андреевич.

С: А в каком году Вы народылись?

И: 1928-м.

С: Вы на территории этого поселка и народылись, да?

И: Да, в русской деревне...

С: А родители Ваши тоже с этих краев?

И: Также, мои дед и прадед здесь родились все.

С: То есть Вы коренной житель

И: Да, сейчас только родители уже умерли, бабушка умерла в 50-м году, когда я в армии был, бабушка умерла в 51-м.

С: А откуда ваш род тут узявся вообще, откуда прыйихалы, не знаете предки?

И: Дедушка говорил, вроде они когда при Екатерине, они сибиряки сами, сибирские казаки, уже лет 150-200, наверное, прошло. И вот они приехали сюда, здесь же тогда в Крым Екатерина, царица, давала, кто желает, сюда, переселялись. Вот они на бричке ехали, селились сюда.

С: Це бричками добыралысь?

И: Да... на лошадях. Приехали мы... землю, и они здесь так дом построили, все, так вот русская... Там было 53 двора, вот, там живет пять или шесть фамилий...

С: Одной фамилии?

И: Да, вот Костогрызовых там больше всех было. Ну, знаешь как, у меня дети, у тебя дети, там породнились...

С: Родычи вси?

И: Да-да. Малышевы, Хитровы, Костогрызовы, Таборские были, потом еще Батраковы, вот это вот эти семьи, а сейчас там уже все...

С: А далеко от этого поселка находится чи рядом?

И: Нет, вот там переехать... ну, если по этой дороге вот идти туда до переезда, потом налево и направо, ото деревня, там было 53 или 56 дворов.

С: А хозяйство яке держалы?

И: Та хозяйство какое, ну, при царе, Екатерина была землю, вот... Сеяли хлеб, потом собирали его, сами все.

С: А чим оброблялы землю?

И: Сами все.

С: То есть вола булы, да, или кони?

И: Лошади, волов не было, лошади были.

С: А какая национальность жила у вас, ну, во дворе какие национальности? Ну, русские в основном, да?

И: Да. Вот, а дед мой был этим, в Петербурге у царя, он казак, на лошадях ужас ездил как. И вот там был вот тот полк у них... Вот дедушка там, в этом полку, полк, который охранял царя, куда выезжает там, вот в этом полку был... Он там был, потом, ну, царь выехал на какой-то полигончик, казаки там шашками рубили, он смотрел. У него ж две дочери было... у Николая Второго, который, уже когда революцию...

С: Расстреляли.

И: Вот то они стояли, в ее девочка, восемь или девять лет, просила покататься на лошади. Ну царь разрешил, подвели такую смежную лошадь, посадили на нее значит все, ну и он

поехал, лошадь чего-то испугалась и понесла дитя, а лошади пугаются... А дед стоял как раз, ну, в строю они вот... Он прыгнул на свою лошадь, догнал ее, со своей спрыгнул и схватил ее там за уздечку, остановил лошадь и дитя снял, и царю принес дитя дал. Царь достал, значит, раньше часы такие были, бригент(?) был, вот такой вот был у него такой здоровый, серебряный бригент. Царь достал этот бригент, деду подарил. Это вот он рассказывал. Потом там капитаном, вроде, был у них в полку, который... командир. Тот капитан, значит, пристал до деда, забрал у него эти часы, шо царь дал. Ему там другие ребята, да ты сходи к царю. Ну, пришел таки-так... сказал такую-то фамилию... пропустили его туда к царю. Он царю рассказал, что так и так, ту бригетку забрали, такой-то капитан забрал... Он этого капитана разжаловал до рядовых... А деду дал охранную грамоту, она была все время до войны... Я помню, вот такая вот, ну, там грамота, знаете, царская...

С: С печатями?

И: Да. Вот, и когда он сюда приехал, уже когда отслужил, он был, потом перешел за красных, уже под Перекопом, там они Николаево, воевал, уже против... И когда приехал сюда, это, да, когда с армии пришел оттуда, там еще не было революции, вот, то, значит, раньше был урядник, щас вот милиция, раньше урядник... начальник, ну как милиция... Разговора там не было, он же говорит, там так: сын не послушался отца, идуть до урядника, тот... плетками как дасть.

С: Воспитывали, да?

И: Да, старших чтоб слушался. Было такое вот... Ну и, значит, деду, грамоту он показал, ему здесь, какое здесь, я не знаю, что здесь было, он говорил, но я не помню. Ему дали землю, еще нарезали землю, грамоты ж больше ни у кого нет. И от он, значит, а отец у меня седьмого года родился, пацан был, четыре дочки было у тетки моей и эти, ну, отец уже, маленький, был семь-восемь лет, он уже пахал, сеял, там все... Потом, значить, ну, когда уже революция уже была, прошла, вот, то ж стали колхозы, ну, лошадей этих всех позабিরали в колхоз, коров, все.

С: А люды добровольно отдавали, чи насыльно забыралы?

И: Хочешь-не хочешь отдавать, пришли раньше кагэбэшники эти, Комитет государственной безопасности там, и все... А я в 28-м году родился, тоже у школу пошел с шести лет я, семь классов...

С: А школа у вас в сели була?

И: Школа там была в Русском, рядом с нашим домом, до четырех классов там учили, потом ходили сюда, в эту школу, только там была другая...

С: А в цем сели хто жив до войны?..

И: Тоже, вот эта улица, вот эта Кельмана дорога, это главная дорога была, как трасса... Вот она идет оттуда и прямо, там переезд один, переезд другой, это главная дорога... до Симферополя она, по ней ездили. Вот они возили у нас каждый пшеницу, когда по ней ездили, когда уборка пройдет, обмолотят там. Вот, пшеницу эту возили в Евпаторию, бричками... Вот тут она выезжает туда... Там приходили пароходы из-за границы...

С: И продавали...

И: ...скупали. Мешки у них стандартные. Они давали мешки, в тот раз приехал, дали тебе... мешков... Потом вот, когда пшеницы насыпал, завязал, чтоб не вешать, мешки одинаковые... Вот, говорю, приедем туда, вот, там, до этого, пароход стоит, как вроде, ну, приемщик что ли. Тот считает мешки, выписывает квитанции. И будочка стоит, подходишь до этой будочки и там всегда он, сколько мешков, а он там так посчитает, сколько...

С: Грошей, да?

И: И, значит, выплачивает деньги, золотые рубли, вот, бумажные. А дед не брал золотые рубли, говорит, карманы обрываются.

С: Так вин бумажни брав, да?

И: Бумажные. Был немного дома там, когда... А часы эти так и не остались, лежали на комоду у нас и, спишь – они тюп-тюп-тюп-тюп, слышно... Потом, когда уже немцы в 41-м году заняли... Пришли немцы – ага, они не спрашивали ничего, заходят во двор, курица надо... убили, поросенка забрали...

С: То есть все повнистю забрали?

И: Скажи – и тебе убьют, я ничего... Один немец зашел, туда, они там старые комоды... гоп в карман...

С: И ничо не скажешь, да?

И: Нет...

С: А это самое, а тута, казалы, нимци жили в цем сели до войны, багато нимцив було? В Октябрьском, казалы, нимцив багато було, да, во войны?

И: Да.

С: А хто тут ще, кроме нимцив, жив?

И: Вот считай, с августа 41-го полгода, считай, 42-й, 43-й, в 44-м 12 апреля... три с половиной года были мы...

С: В оккупации, да? А людей розстрелявалы тут?

И: Ой, сколько хочешь.

С: А кого розстрелявалы?

И: Ну, кого – кого попало, того и... Вечером вышел, я иду к переводчик, Сковородка, он крымский немец... не, их выслали перед войной, война началась, еще перед оккупацией, выслали, а каким образом – он где-то или спрятался... Вот, и вот он, значит, так, вот где аптека, там жил аптекар, еврей, вот. У него там дочка и сын были. У них аптека, а туда дальше они жили. Этот Сковоро... А рядом было, вот где больница, рядом, там была больница, там была комендатура. Вот он там переводчик. Он так, к себе шел, захотел – бах!

С: То есть евреев убывалы, да?

И: И русских, и кого хочешь. И, значить, он дошел туда. Евреи уехали большинство, а некоторые остались, вот он остался.

С: А чего они пооставалыся, не знаете?

И: Не знаю, чего они остались. Он зашел – и всех... порасстрелял.

С: Прямо во дворе?

И: В комнате, всех пострелял. И шо – ему ничего.

С: Ничего не было?

И: Облавы были. В 41-м еще нет, а уже 42-й – 43-й, ну, в 42-м мне было 14 лет – еще нет, а там кто постарше, там 27-й год, постарше. Ну если ростом большой, то вот так как тебе и все... Тоже облава, машина в деревню заезжает, стала машина, с той стороны, с этой стороны. А эти две машины идут, немцы слезают...

С: И це воны в Германию забырали народ?

И: На машину, в Симферополь, с Симферополя в Севастополь и на Румынию пароходом, а там... Я два раза попадал, но убежал. Один раз спасся у бабки под юбкой...

С: Заховалыся?

И: Да. Только прибежал, а телефон такой – как машина стала, один дом, крайний дом, увидели – та той, та той...

С: И бегом.

И: Вся деревня знает... В степь побежит – видно, что в степи и убьют. Вот по домам там кто как. Я тока домой прибежал, бабушка, ну раньше юбки знаете?

С: Спидныци здорови таки булы.

И: Здоровые. Она на стуле сидела, а она разговаривала по-немецки, почему, потому что в детстве она работала у немцев как прислуга, здесь немцы были, ленинские, и она у них работала. И она знала по-немецки, не совсем, но нормально. Я затащил, глядь в окно, два немца идут, ну куда, она юбку задирает, потом говорит: «Лезь под юбку». Я под юбку да накрыла. На столе стоял кувшин молока, они зашли – ман есть тут?... Она им по-немецки:

«Нихт-нихт, нихт-нихт». – «О, шпрехен дойч?» (говоришь по-немецки) – им понравилось. – «О, млеко-млеко». А ей же вставать нельзя, она «дринкен», берите пейте. Они это кувшин молока выдули, а я под юбкой. Так они ушли, я остался. А уже в 44-м году, 12 апреля наши зашли, в феврале месяце тоже облава, и я попался. Ну, пришли, там такой дом был, стенка, те немцы, которые ходят, ну, ведут сюда, а здесь два немца... они охраняют. Я помню, было это, ну, снег шел, метель такая была, а здесь стенка, а мы в углу. А вот от этого дома следующий дом, там моя материна бабушка жила. Я стою, а они эти самые, у них такие как пилотки, опускали на ухо, стоят, ногами выбивают, я за эту стенку раз, и в наш дом, и пошел. Там, через этот дом, вот это полька там... жила, и до бабушки. Ну я, вот скока живу, я не знаю, как у меня сообразила голова, в комнате они искали, пришел, два немца пришли, искали. А я когда бежал, у них деревянный туалет стоял, а у его же там замерзло, так и, как мне голова, тюкнуло в голову, я в этот туалет у дырку раз...

С: Прыгнулы?

И: И стал, в яме, было ж там замерзшее, ничего страшного, и стою там. Потом, значить, слушал, что дверь хлопнула, они открыли... там по конюшне походили... и ушли. А мне ж вылезать, черт его знает – уехали, ушли – слышу разговор, машины загудели, слышу там, ну сестры материны разговаривают: «Слава богу, уехали. А где ж Мишка?» Я тогда вылез оттуда, с туалета... «А где ты был?» Я говорю, вот так и так. Я остался. После этого облава за облавой, так мы вже тогда, зима, снег, там около трассы домик... Там колхоз молотил куравик(?) старый, уборку молотил... и подсобка была. Вот нас шесть человек таких хлопцев, дома нельзя уже было.

С: Уже до дому прыходылы?

И: Да. И, значить, мы туда пошли, там солома была, вот лесная полоса рядом, это ночью все, закрыли, соломы накидали... мы там были неделю наверное.

С: А хто вас кормыв?

И: А ночью, по очереди, моя мать, твоя мать, его мать.

С: Прыносылы, да?

И: Да. Принесут воды там, покушать и уходят, нельзя потому шо, в селе видят. А потом уже, 12 апреля, опять по деревням... немцы. Вот там русское кладбище, там кладбище вот там, побежали туда, я и Коля... За трассой там, ну, вы не знаете, какой там... бугор. А румыны попозже отступали... Это там на бугор выехал, два раза выстрелил... они побросали брички, руки поднимали и пошел...

С: И у плен?

И: Да. Мы это, мы с Колей тогда вылезли, бегом. У них же колодец был, до колодца...

С: А тем, де розстрелювалы людей, там потом могылы якость зробылы и воны в одном мисци?

И: А вот стреляли, я тебе скажу, так вот, сейчас-то вже... улица Ленина и за Ленина где школа, знаете, вот то последняя улица была, и наша последняя, поселок маленький. Дальше туда там был карьер... Вот они водили туда.

С: Прямо за в карьер?

И: В карьер приведут, вот то пиф-пиф... Вот мой двоюродный брат тоже попал, а чего, не знаю, ну, короче, вели его на расстрел, в карьер, три ихние. А там начали стрелять и слышно, а он как крикнул «Партизаны!», и эти немцы раз, а он там за забор перелез сюда и убежал, остался живой. Ну потом он все равно попал у Германию, в облаву эту, попал у Германию и пришел аж в 46-м году из Германии. Ну, его там, он 23-го года, ну 24-го, там еще его в армии, он в лагерь этот «Портхаузен»... Вот в этом лагере он был?

С: А потом выйшов, да, з лагеря, освободылы його?

И: Ну, освободили.

С: Наши, да, вже части?

И: Да. Их освободили, он говорит, там... американские, так зашел в город, ворота поломал, склады, говорит, люди вже ходить не могли, и врач ползает.

С: Голодни булы, да?

И: Конечно. То, говорит, там склады немцы для себя, еда, залазить, муку ели, мука, поел и... Я, говорит, не ел, за пазуху...

С: А булы таки, шо вот розстрелювалы, евреи спасались чи ни?

И: Я не знаю, таких не было. Рядом с нами жила учительница, Антонина Васильевна Петрова, муж ее был член партии, он был начальник почты... А мы ж рядом жили, конюшня была и окошко такое, смотрим, машина заехала в школу во двор, вылезли жандармы, эти вот с бляхами на цепи, бляхи такие...

С: А руськи чи нимци?

И: Немцы.

С: Русские до нимцив не йшли в полицаи?

И: Полицаи были. И вот они, а у нее двое, трое детей было: Валя моего года, потом Витька, маленького я не помню. И они выводят по одному там, зашли в комнату, ее на машину. А этот маленький, ну лет пять наверно было пока еще, он хотел за угол сбежать туда, за угол завернул, если бы успел, может жив остался. Немец увидел, догнал его, вот, а я в окно смотрел, догнал, за руку хватать, расстреляли.

С: А за шо це йих розстрелялы?

И: Ну, раньше так, член партии, был муж член партии, она учительница, они все тут понятия не имели.

С: То есть стрелялы всех пидряд?

И: Да. И этих расстреляли. Расстреляли вот здесь, где Широкое, там окопы были, туда вывезли...

С: Нам, булы в Красноармейском, одна женщина розказувала, шо, ну, вона сама з Октябрьского, шо в ней прям во двори еврейв розстрелювалы.

И: Да-да.

С: Вона десь возле банка жила.

И: ...никуда я не ходил, из дома не выйдешь. Я там не был... У дедушки был кабанчик, килограммов 70, заехали «швайне есть, швайне есть?»... а он там запищал. Они его туда, бах его на машину...

С: А не боялыся, шо вас будуть розстрелювать, то есть люды не боялыся?

И: А шо там, так они не трогали, ну шо мы, отец рабочий, мать в колхозе.

С: А де Ваш батько робив?

И: Отец работал у колхозе, потом он, вот, работал, дорогу делал...

С: Мостылы, да?

И: Да. Гравий возили... А потом элеватор, это элеватор, самолеты налетели, они ж деревянные были элеваторы, его разбомбили. Вот здесь, где вокзал, старый вокзал, вот бомба одна, где клуб, дом культуры, там был хороший дом культуры тоже, туда бомба попала... Там был, по-моему, банк, в банк упала там...

С: А скажите, пожалуйста, а до войны отличалыся руськи деревни от там от немецьких чи, однакови булы хаты то есть?

И: ... как-то не было такого. Татары крымские, их потом же выслали.

С: А нимцив тоже, да, туда, руських, крымських немцив повывозылы, до войны?

И: ... война в 41-м началась тогда, в июне, а их через месяц стали всех немцев...

С: А хозяйство куда йихне?

И: А, куда хочешь.

С: То ест все пооставалось повнистю тут, да?

И: Да, ну соседи там, живое, живность, все это осталось.

С: А писля войны воны повозращалыся назад или нет?

И: Нет, немцы не приехали.

С: А в йихни хаты хто повсялявся?

И: Ну, я не знаю даже.

С: Но люды позаселялыся, да?

И: Вот здесь деревню немецкую, их же забрали, дома пооставались. А потом, то переселение сюда, с Украины, с России, подъемные платили, шоб населить. Вот эти дома они и позанимали... Жили, вот, татарчата были... и школа вместе, никакого понятия, шоб сказал «ты татарин»...

С: А караимы булы тут?

И: Были, были.

С: А их розстрелювалы во время войны?

И: Да, тоже...

С: Росзстрелялы?

И: Да, расстреляли.

С: А чим воны от евреив, отличаются якость от евреив чи ни, караимы?

И: Ну, караимы это, как его объяснить, крымские евреи, что ли. Я не знаю, знаю, что называют «караимы».

С: Ну нимци йих тоже, да, повбывалы?

И: Да.

С: А в класс з Вамы ходылы карайимы, чи там евреи?

И: Нет. Выслали их, вот немцев, выслали всех караимов, вот это война еще когда началась, всех их выслали туда где-то в Сибирь, татар вот тоже... 18 мая уже освобожденные.

С: А чего татар повиселялы?

И: Ну, видите, здесь крымские партизаны, я не знаю, так говорят, причина, что, ну, вроде, они выдавали партизан... вот они выдавали партизан... Вот это все, Сталин был живой, это щас вот пишут, книгу я читал, Сталин вызвал, Берия был, министр МВД, вот, Берия...

С: Лаврентий Павлович.

И: Да. И вот, значит, он, вызвал Сталин этого, Берию, и говорит: «Ты там разберись с крымскими татарами», ну а тот загнал сюда вже дивизию... всех подряд.

С: А йих не розстрелювалы, татар?

И: Нет.

С: Тики вывозылы, да?

И: Только вывозили. А уже в 44-м году, мне вже 16 лет... в военкомате на учет... И вот нам вызвали в военкомат, дали нам автоматы трофейные и тоже, 12 человек у нас тут... Зуя, вот там, ой, не знаю... заходит во двор, кэгэбэшники эти, шо в руки взял, час дают.

С: На зборы, да?

И: На сборы. Шо хочешь бери, деньги, собаки, куры, все это оставалось. Собаки воют, бегут за хозяином, а мы стояли, вот их на машины садят, а мы стояли около машины, а этих привозили, вот так...

С: А воны не сопротивлялысь?

И: А шо ты сделаешь, ну застрелят.

С: Булы таки, шо застрелювалы?

И: Не, я не был, я один раз вот это попал туда на выселение туда, больше не был. Ну а потом Сталин вызвал... Ну, вот, их выслали, а потом уже переселение, сюда выселяли эти деревни, заселяли. А, они же воевали были...

...

И: ...приехал сюда, родителей нет, в военкомат, туда-сюда, и его...

С: То есть, несмотря не те, шо вин герой, дважды герой Советского Союза, то есть выслали?

И: Никаких, и его туда.

С: А куды йих вывозылы?

И: Таджикистан, Узбекистан, туда их высылали.

С: Вот это тилькы щас и поверталысь, да?

И: А они ж вот, когда уже, при Сталине не разрешали, их когда, в 79-м, по-моему, уже разрешили въезд сюда, вот татарин...

С: Потихеньку пидтягивались, да? А Вы помните, як освобождали наши части, советские, от фашистив?

И: Да, помню.

С: То есть рады, встречали освободительну армию?

И: ... у деревню по этой дороге войск много, одна дорога на Симферополь, на Севастополь. Вот там впереди есть еще деревня, через этот переезд.. так они до переезда, эти сюда... и через наше деревню на этот переезд... машины, брочки... Ну дороги какие были, грязные дороги, в деревне тоже все... Это щас все нормально

С: То есть кормылы солдат, да?

И: Да. Когда, вот, мы сидели там, с Колей с этим, налетел наш один... это румыны отступают уже, мы ж на кладбище был... и вот начал обстреливать. А я как лежал вот так...

С: Це снаряд розирвався?

И: Ну, пуля, видно...

С: Пуля?

И: Да, или пуля или что, ну так прошла...

С: Навылет?

И: Да, нет, просто скользнула и...

С: Розирвала?

И: Да. Ну я схватил, вот так сразу рубашку порвал... бежали и домой. А как, ни врачей, ничего. Дня через два, когда начала болеть, гангрена, я помню. Вот, заехал... заехал к нам во двор капитан, женщина капитан-врач, ну с санчасти... Они у нас двое суток стояли... А я лежал за печкой, мать сказала им, вот так, вот так, посмотрите. Она пришла, а там уже...

С: Загниваться почалось?

И: Загниваться, да, она заставила мать, значит, теплой воды, промыла хорошо, перекисью водорода... пена-пена... Потом, значит, снимают, пены нет, уже чисто, и стрептоцид красный, стрептоцид был красный, насыпала, вот, забинтовали, так она... два раза сделал, потом уезжать, так она оставила пузыречек перекиси водорода, стрептоцид, ну и бинтов и сказала каждый день... Ну я, этой рукой я достал, сам делал, и мать, и вот так осталось. Эти пальцы у меня щас видишь, вот, а этот, два пальца, сухожилия.

С: Сухожилия порвались там?

И: Да, перебило сухожилия. Вот этот палец у меня, этот сгинается, а этот нет... Комиссия была, я... в 47-м году поскользнулся... я работал пацан, токарил, токарем был... Ну вызвали в спецнабор, таких людей, которые ну кто шофер там, токарь там, слесарь, 42 человека нас, комиссия, раздетый заходишь, они сидят... вытяни руку... Если б я сказал, правая рука, стреляли, палец...

С: И так Вы дослужились?

И: Я так попал, значит, попал я в школу в Грузию, город... родина Сталина. Вот приезжал, я видел его, в 48-м году. Вот, и, значить, там нас должны были выписать лейтенантами, два года учиться. А еще служили люди в, был техник-лейтенант, в авиационном, отслужил же еще 23-24-й год, войну воевали, а авиация не пехота, если их уволить – полк не боеготовный, нельзя, поэтому нас вот в спецнабор. И 10 месяцев мы там проучились, нас выпустили механиками... построили, зачитали приказ, звание сержант, я вот был механик по авиавооружению. И потом, значить, после этого приезжают, как их называли... представитель какой-то части... Сколько надо, отбирает, забирает и везет. И последние нас оставил, 12 человек, приехал капитан, личные дела наши забрал... и, нас, значить, туда мы ехали, вот это Запорожье, Ростов... Махачкала, не доезжая 12 км до Баку, повернули на Тбилиси, а там... А оттудова нас с этим капитаном на Воронеж, с Воронежа на Москву... Калининградская область, бывший...

С: Кенигсберг

И: Бывший Кенигсберг, вот... И вот то я приехал туда, попал в гвардейский авиационный полк, я отслужил там, летчики еще войну воевали, офицеры, ну, обращались... Ихняя

жизнь зависит от механика. Ну, они такие офицеры как сейчас молодежь, они служили, как мы... орден, значит, так, гвардейский, родина, красного знамени, вот это боевого красного знамени, еще какой-то орден был, не помню... И я там прослужил, о, как полк построит, это 9 мая, это праздник, по пять орденов Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, ну, все груди, глянешь... красота. Гвардейский, я приехал туда в 48-м году в августе или сентябре месяце. Аж в 50-м году мне только гвардию дали, не так просто, там же дисциплина, политучеба, работа на электронной технике, дали только когда гвардии, старший сержант. Гвардия – это большое дело, не так просто ее полк получил. Полк вот сбил за время, период вот Отечественной войны, полк сбил 242 самолета немецких, летчики сбили, истребители. То были те, которые там могли, еще воевали... Интересно так, как послушаешь... Были самолеты, я приехал в полк, кобры, кинг-кобры, это американские были истребители, стояли. А полк уже был на Л-9, лавочкины наши... в конце войны выпустили, лавочкин были Л-3, Л-5, Л-7, эти воевали, а Л-9 вышел, у него три... через винт стреляет, через синхронизатор... Я регулировал это все, там ошибешься... 5 см лопасть проходит, снаряд, следующая идет... А потом, в 50-м, 51-м, феврале месяце я как раз в отпуск приехал сюда, получили мы Миг-15, реактивный, летчики переучились. Вот я служил, считай 19 сентября 47 нас забрали, считай, 48-й, 49-й, 50-й, 51-й и в 52-м я, в октябре, 4 года 10 месяцев.

С: 4 года, це значить 5 год, да, считай, служили?

И: 5 лет, получается.

С: А скажите, а до войны булы тут церкви? Церква була до войны в сели?

И: Нет, не было.

С: А до революции булы церкви?

И: Вот я не знаю это, я забыл, мне дедушка рассказывал, ну и отец же помнил. Ну в основном дед, он уже старенький был, вот, он рассказывал. Он 1875-го или 77-го года дедушка родился. Но я, дедушка живой, его, моего прадеда уже в живых не было, умер, и прапрадед тоже. Раньше они женились как, вот и отец мой женился, там же в деревне, мать Катерина моя, вот. Вот дед, отец смотрят, хорошая девка, работающая, работает. «Андрей, ты вот за Каткой Новиковой...» Ну, отец туда-сюда, затем поженились. Да, а если не схочешь, у-у-у...

С: То есть якщо батько казав, да, если сказав... А йих в церкви венчали чи як, не знаете?

И: Да... в церкви, только в церкви, так не было, только в церкви.

С: А во время Советского Союза яки праздники у вас булы?

И: Церковых никаких.

С: Тилькы коммунистические?

И: Да, там Октябрьская...

С: Пасху не отмечали, да?

И: Нет, ты что. В колхозе работали, Пасха – не Пасха, а вот когда там Октябрьская, там День Красной Армии, это военные, а мать была, ну, кукуруза, пшеница, но она, приходил, вот кукуруза.

С: На полях робылы, да?

И: На полях, цапали там и все. И вот там с ее бригады, райком Партии был, инструктора были, проверяющие ходят по колхозу, проверяют, председатель, вот. И от две женщины не пришли на работу, Пасха, не вышли. А он пришел, знает же где, бригадир вот на... сел и приехал. А в бригаде вот тот Пашин бригадир: «А где такая-то такая-то?» – «Та вот нету», – мать сказала, мать-то не виновата. Ага, он записал их фамилии, в суд, и вот так, их судили... они работали, раньше не за деньги, а за трудодень, денег не было...

С: А шо давали на трудодень?

И: А на трудодень, когда уборка пройдет, пшеница там, ячмень, кукуруза, вот это.

С: Все, шо в колхози?

И: Да. Вот ту ставку колхоз дал, а остальное раздает потом...

С: То есть то, что осталось, то на трудодень?

И: Да, на трудодень. Трудодней много, наши...
С: И шо тым женщиам, засудылы йих?
И: Да. Ну, а дома хозяйство, жили с хозяйством, корову держали, свиней, пшеничка есть, кормить есть, было чем. По 150 – по 200 курей.
С: Ого! А шо це вы з курамы робылы?
И: Ну, а шо с ними делать, вот как цыплята выведутся... На зиму оставляет мать 50-70, а то каждый день курицу режет, и борщ с курятиной, жареная, пареная курятина. Говорю: «Мам! Ну я курятины не хочу!» Поросенка зарежет, холодильников не было, щас мясо, окорока вырежут, посолят, потом сушат, вот, а остальное мясо в дубовые бочки, бочку...
С: Сольлы?
И: С рассолом, да, ну а шо, холодильника нет, у подвал...
С: П смалець робылы?
И: Да, топили смалец, ведрами.
С: И в погребе все хранылы?
И: В погребе, да.
С: А сольлы шось на зыму?
И: Да. Понимаешь, вот, раньше здесь же картошку не садили, так, огурцы, помидорки, это садили, а картошки не садили, привозили картошку.
С: Привозылы, да?
И: Да.
С: А фрукта якась була?
И: Фруктов полно было здесь.
С: И шо вы з нею, тоже на зыму сушилы?
И: Сушка, да, сушилы, абрикосы, яблоки, груши... мы вот садим, кто садил, у того и есть.
С: А пасеки булы?
И: Не, не было пасек. По-моему, в колхозе была пасека, несколько ульечков...
С: То есть без меду булы, да?
И: Да. Не, вот то в магазинах были.
С: И в магазынах щось продавалосся?
И: Да.
С: А гроши де бралы це на магазын?
И: А вот так вот, гроши как хочешь. Яиц мать соберет, 200 штук яиц, а куда их, вынести – кто их покупает, когда...
С: В каждого...
И: У каждого свое. Вот то яйца и жареные, и пареные, и какие хочешь.
С: Прийидалься?
И: Да. А так вот, купить что-то, ну одеться, спички, сахар, это ж надо. Ну кой-шо, может, когда продадут...
С: А шилы одежду сами чи куплялы?
И: Да. Вот, и дедушка был, он курил, а я уже работал... там уже деньги получал. Я ж не колхозник, за деньги работал. То как зарплата, это уже, принес зарплату домой, тут уже, ну и одеться... А уже ж мне было 16-17-18 лет, погулять хочется, некогда было... Брат был, вот тут показывали, его убили. А то еще один был брат, братик, 36-го, по-моему, 37-го года, а этот брат, я старший, 31-го года. И вот, значит, мать на работу, отец на работу, а маленького куда... Я за ним смотрел... На Салгир пацаны идут, на Салгир, купаться, ну если вода теплая... А мне ж тоже хочется, возьму табуретку, переверну вот так ее, поставлю табуретку и бегом туда... а он стоит. Прибежал, покупался и назад, прибегаю – другой раз обписается, обкакается, воеет. Опять, мать с работы приходит, вот, а я как-то мог, интересовался, и кушать варить, и щас могу, все это, ну мать учила. Я возьму им... кушать наварю... Поцапай тут, тут такая жара...
С: Цилый день стоялы в степену?

И: Целый день, с утра до вечера. А отец потом дорогу эту ушел на, бригадиром грузчиков был на элеваторе. А раньше, шас подошел вагон, трубу всунули, пух – и полное, а то шо мешками.

С: Мешками все закидывалы?

И: Мешками, доска такая, как лестница. И вот, значит, мешками поверху носят, а там недалеко, мать другой раз... даже осенью, когда ни цапать, ничего нет, тогда уже дома сидишь, отцу нальет там... я принесу ему, он покушает. И вот, значить, ну как, тоже молодой был... 37 лет был, и вот, значить, кто больше мешков вынесет у вагон по этой лестнице. Заспорят там, на что, не знаю, на вино. И вот отец выносил пять мешков: стоять вот так руки, вот так два мешка... потом так два и сверху... и вот он пять мешков по лестнице... он здоровый отец... В Севастополе он получил ранение, руку прострелили ему... В Ливадии лежал в госпитале, потом, ну рука у него сразу не поднималась, отпустили на месяц, дома был, потом опять призвали. Был год связи, тянули линию там, так все порвано было, столбы ставили, линии там, радио, телефоны, такое вот... В 46-м году домой приехал.

С: А до войны було радио у вас?

И: Не было.

С: И в сели даже не було?

И: Не было.

С: И на вульци ни радиоточки, ничего?

И: Нигде ничего не было.

С: То есть не знали, шо в свити робыться?

И: Нет, ничего не знали. Вот в этой учительницы, которую немцы расстреляли, она это самое, член партии, у них во дворе, батарейный приемник у них был, на батарейках, вот, большой такой вот, коробка, и шелковица такая, здоровая была. Вот вечером полдеревни туда...

С: Слухалы, да?

И: Да. Вынесет, поставит на стол.

С: А яки передачи там булы, не помныте?

И: Я не помню. Ну, в основном, знаешь, музыка, вот такое вот.

С: А танцы булы до войны?

И: Не было здесь. Танцы какие? Вот был брат двоюродный мой, играл на балалайке, на гармошке, короче, на всех инструментах. И вот девки попросят, воскресенье только, так же на работе, шас там площадка такая была, шелковица, знаешь... тень... Колодец рядом, водички польють...

С: Пыляка не стояла?

И: Чтоб пыли меньше было. И вот он сидит на балалайке на этой или на гармошке, вот такая рваная была, старая... на мандолине или на балалайке и танцы, вот, танцуют. А дядько... он на баяне играл, это моего отца дядька, вот, играл на баяне. И вот его попросят, соберут не чекушку, девчата соберут на чекушку... Приходили, играть будешь здесь. Вот он приходит туда, это скамейку поставят, там чекушку закушать...

С: А до войны самогонку гналы?

И: Ты знаешь, я не, не гнали тогда, не было такого, у нас вот здесь не было такого...

С: А выно робылы дома?

И: Вино да. Но вино не из чего было делать, с винограда все, а его здесь мало было, потом начали садить, потом начали сады, виноградники, после, все поля было. Под конец бирюка вот этот раз я не был, вот там все поле было... коровы, коровы ходили там.

С: Степ, да, був?

И: Да, старый колодец там был, потом его забросили, а здесь у Русском колодец был такой, лошадью качали...

С: И ця лошадь ходыла, крутыла?

И: Лошадь ходить, крутить, красавчик, Сокол, конь старый, ну он, наверно, всю жизнь качал, и там пожилой мужик был. Тот мужик стоять... деревянная такая, здоровая. Копка вышел, он копку раз, вылил... До чего умный вот конь, уже привык, вот ему надо разворачиваться в обратную сторону, вот, но он ему ничего не говорит, он слышит или видит, что копка вылита, сам разворачивается и в обратную сторону пошел, ту копку вылил – в обратную сторону, ничего не надо.

С: То есть целый день ходыв кругамы?

И: Да, нет, ну, накачают вот это, цистерна, ну так, большая цистерна... А там, значит, желоб такой деревянный, длинный, вечером уже коровы, барашки...

С: А нияких ричок таких, ничего не було здесь?

И: Нет. Вот скот подходит, пьет воду... понапивались, он подкачал на утро опять, и оттуда же воду носили.

С: И по домах? Во дворах колодцев не було?

И: Нет

С: А стиралы де?

И: О, стирали, воду носили.

С: Носили воду?

И: Да. Тачка, у кого была тачка, я уже когда работать стал, тогда уже тачку сделал... А я пацаном был, значит, он на работу, вечером корова придет, дедушкина, не наша корова, барашки придут, вот те не там напьются, это корова, утром надо дать, чтоб попила. И вот, значить, мать: «Ты тут воды и корове на ночь мешок травы». Я мешок, меньший брат – полмешка, вот, через линию переходим и жнем.

С: Рвалы, не жалы?

И: Не, руками.

С: Серпив не було?

И: Не было. Я, значит, нарву мешок, натопчу себе, ему полмешка – он нести не может, ленивый такой был.

С: А литом де вы, на вульци скот держалы, да?

И: Нет.

С: У сарайи?

И: Летом да, летом на улице.

С: А сарай был отдельно от хаты, чи було общее?

И: Отдельно. И вот, значит, он идет зареванный, ноет, у него полмешка, я беру тогда – свой мешок на голову, а его на... сколько было, лет восемь было, не охота ж ходить, на коромысло возьмешь, на плечо, и третье ведро...

С: Шоб бильше?

И: Вот это такое держишь, чтоб больше. Три раза сходил – девять ведер, а так – шесть...

С: А далеко було идты?

И: Ты знаешь, метров 500 было. Мы жили здесь, а то колодец там, посредине... Ну вода хорошая была.

С: И це так все село носыло?

И: Да, все село... А как, вот туда Белоруссия, Калининградская область, там же вода – 4-5 метров и вода.

С: А тут скилькы?

И: А здесь вот этот колодец – 76 метров... В Новозуевке, знаешь Новозуевку?

С: Нет.

И: Ну, деревня туда она, на бугру, там 84 метра. Вот когда солнце светит в колодец, и то так глянешь, колышется, только блеснет, так не видно воды.

С: А хто йих рыв, ци колодци? Еще до революции рылы?

И: Наверное, я не знаю, люди.

С: Воны выкладени булы, из камня?

И: Да, ложили до самого дна, сверху до дна камнем выложили, как это, я...

С: А воны в диаметри здорови булы?

И: Та порядочные, метров 5-6... Но выложены, сделаны все хорошо. Чистили их. Чистили как – сигали раньше, были, Шура Байрам, они ж кочующие, и вот он на осень приезжает сюда, разбивает свой табор около колодца там, вот, и он чистил колодец. Колхоз нанимал его.

С: А як вин чистыв?

И: А вот так, залазит туда.

С: Прямо це спускався на дно?

И: Туда сразу ему, значит, бутылку здоровую, сигареты, бутылку водки, он ее здесь выглушил садится в копку и опускаить его. И он там вот ту грязь счистит и в копку, ее поднимають и уже выносят.

С: То есть с колодца выбирают, и перед цим воду выбирают?

И: Ну он жилу чистил, чтоб вода... циркуляция чтоб была. Отсюда идет, а если здесь забьется... И эта забьется – воды не будет. И вот он когда вот это все почистить, ну а договаривался как, не деньгами, денег не было в колхозе, барашки ему или лошенка, для цыган лошадь это... вот то лошонка ему, какого он выберет лошонка.

С: А цыган раньше багато тут кочевало?

И: Да, ой, гадади ходили. У дедушки вот этот Шура Байрам, его детей там было, я не знаю сколько, а зимой-то где, холодно, и вот дед его пускал у конюшню, там ничего не было у нас, корова стояла, он его пускал, он в сарае там, ну не на дворе же, было одеяло там, тряпок-тряпок, понапивается...

С: А у ных вельки таборы булы, у цыган?

И: Нет, ну так, гадали цыганки, ходили-гадали.

С: Правду казали?

И: Та, правду, брешуть.

С: А люды за це щось давали, да, за гаданье?

И: Да-да, ну наши продукты, кто яиц дасть, кто... Они стояли вот так наш дом и стенка, а здесь был пролом, дорога на Салгир, и здесь опять дом, вот они около этого дома сядут там, еще тепло, и сидят, костер разведут, пышки пекли такие, костер нагорить, она тесто туда.

С: Прямо в костер, попил?

И: Не, когда вот сгорит, на угле, разгорнула уголь и углем засыпляют, оно там печется. Ну мы, шо б вы думали, за стенку, там метра четыре, за стенку, палку за палку, гвоздик вот так загнем...

С: И оце лепешку с костра?

И: Придет, лепешки нет. Ну, они знали, так особо не ругались, придет, отцу-матери скажет, но те так, а дед строгий був у меня: «Ну, я тебе щас!» – за ремень. Так никогда не ударит, никогда не это, а ремешок вроде вытягивает. Сидет дед такой сосед, наш дворик есть, а через дорогу там дед Василий сидел, борода, старый тоже, вечером выйдет, там лавочка у них, выйдут, сядут с моим дедом, сидят, курят. А мы ж пацаны бегаем там, и вот, значить, я прибежал и не сказал этому деду «добрый вечер», ну пробежал та и все. Он, значит, шо? На другой день приходить, а я догадался, шо он идет, и дед дома, у нас был вот так вот дом, здесь эта, акация и стол, летом... кушали, и клеенка, собачка была такая... Я думаю, ну дед щас, а деваться некуда, я полез под стол, бабушка увидела. Я под стол, раз – залез, вот они пришли и он: «Садись, Василий, садись», - за стол садяться, этот так, а тот так, а я ж под столом. «Анюта, давай чаю», – чай пили, ну сидят, а я ж слышу, сижу под столом. «Да вот, ты знаешь, Иван Мартыныч, твой внук сегодня не сказал мне добрый вечер», – это дед жалуется моему деду. – «Какой?» – «Та старший». – «А, ну раз старший, значит Мишка. Анюта, а где Мишка?» – бабушка видела, что я под стол залез, она не сказала: «Да вот, где-то бегаешь, не знаю». А эта собачка прибежала, чувствует, что я тут... гав да гав, вот, гав да гав туда. «Да что она разгавкалась?» – «Та кошка», – говорит – «туда залезла». Потом он посидели, ушли, и я вылез. А он на меня: «А ну иди сюда!» Я

говоря: «Не, не пойду». А потом попал, я его... взятый зашел – и он: «Ага, вот ты мне надо», – за ухо. «Ты будешь со старшими здороваться?» Это такое воспитание было. А мне стыдно как-то было.

С: А цыган во время войны розстрелявали?

И: Ты знаешь, я как-то во время войны, здесь когда вот немцы были, они куда-то уехали, не было их, цыганей, не было.

С: ...А после войны вонь кочевали?

И: Да, они кочующие племена. А потом они, война кончилась, они появились откуда, что?

С: Опять тоже же с кибитками, да?

И: Да, наверно, тут здесь же, вся эта, Украина и в Молдавии...

С: То есть вонь проходили по всему миру?

И: Все ж было занято. Может, где были, не знаю...

С: Ну хорошо, спасибо Вам.

И: Пожалуйста.